

Когда последняя нота концерта в наушниках затихла, Хэ Ицзянь снял их, поднялся с места и, не обращая внимания на то, на какой станции он находится, вышел из метро.

Спустившись на платформу, он глубоко вдохнул воздух и тяжело вздохнул.

Черт, как же всё это надоело. Почему постоянно случаются такие вещи?

Хэ Ицзянь помнил, что в юности к нему никогда не подходили женщины, чтобы завести разговор. Тогда его мысли были заняты только фортепиано, он был замкнутым и молчаливым, словно подросток, страдающий депрессией.

Тогда он точно не мог представить, что в будущем станет таким...

Выйдя на улицу, Хэ Ицзянь засунул руки в карманы и начал бродить без цели. Он слушал шум ветра и шелест листьев, смотрел на проезжающие машины, прохожих и огни города, чувствуя себя словно призраком, парящим в урбанистической пустыне.

Ему стало немного не по себе, и он снова вставил наушники, включил концерт Моцарта с начала и продолжил идти по незнакомой улице, не зная, куда направляется.

Хэ Ицзяню редко приходилось задумываться о своей жизни. На небе не было ни звезд, ни облаков, а ветер поднимал с тополей пух, который медленно опускался на землю.

Он бродил по улице несколько часов, пока в телефоне снова не раздался сигнал о низком заряде батареи.

Посмотрев на почти разрядившийся телефон, Хэ Ицзянь порылся в кармане и достал студенческий билет и 7 юаней 20 центов.

Он огляделся. Рядом была широкая дорога, а вдоль тротуара тянулась старая, обветшалая стена. Больше никаких ориентиров не было.

Ему вдруг очень захотелось услышать голос Ту Муюаня.

Хэ Ицзянь долго смотрел на телефон, колеблясь, но в конце концов набрал его номер.

Ту Муюань почти никогда не пропускал его звонков. Хотя сейчас была глубокая ночь, и по его биоритмам он должен был крепко спать, Хэ Ицзянь ждал всего несколько секунд, прежде чем тот ответил.

— Лао Ту, я заблудился.

Не дожидаясь, пока Ту Муюань заговорит, Хэ Ицзянь сразу же изложил свою проблему.

— Заблудился? Где ты? Какие ориентиры ты видел последний раз? — Голос Ту Муюаня был слегка сонным и хриплым, но, услышав его, Хэ Ицзянь вдруг почувствовал, будто ощутил запах их домашней кровати.

— Я... — Хэ Ицзянь не успел закончить, как телефон в его руке завибрировал и выключился.

Ему вдруг захотелось смеяться, и он действительно засмеялся.

...

Ту Муюань, Ту Муюань, Ту Муюань.

Вспоминая их ссору в ту ночь, Хэ Ицзянь чувствовал, как сердце сжимается от боли.

Он меньше всего хотел причинить боль Ту Муюаню, но именно Цзян Инь была той женщиной, которая вошла в его жизнь в прошлой жизни.

Хэ Ицзянь чувствовал, что Ту Муюань сводит его с ума. Почему он так его любит? Что именно он в нем нашел?

Их ссора позавчерашней ночью разбила сердце Хэ Ицзяня, но, несмотря на всю эту боль, он все равно не любил Ту Муюаня.

«Неужели он действительно воспринимает его как мать?»

Хэ Ицзянь прислонился к стене и сел на землю, глядя на далекое небо, где висел маленький месяц. Звезд не было.

Возможно, из-за того, что он не спал прошлой ночью, голова Хэ Ицзяня становилась все тяжелее. Он зевнул, улегся на землю и, думая о Ту Муюане, незаметно уснул.

Ему приснился долгий сон.

Не знаю, было ли у кого-то такое чувство.

Проснувшись, он почувствовал, будто прошел целый век, не помня, что происходило во сне, и даже не помня, кто он такой.

...Как будто вдруг потерял всякое понимание этого мира.

Хэ Ицзянь проснулся сам, без будильника. Было еще темно, и вокруг было очень холодно.

Возможно, он проснулся слишком рано, потому что голова была тяжелой и неприятно мутной.

Он ничего не мог вспомнить и снова заснул.

Примерно в девять утра мимо проезжал местный дедушка на трехколесном велосипеде. Увидев Хэ Ицзяня, лежащего на земле без движения, как труп, он испугался.

Он подошел, проверил дыхание Хэ Ицзяня и, убедившись, что тот жив, затащил его на велосипед и отвез в небольшую клинику.

Когда Хэ Ицзянь пришел в себя, он увидел, что ему ставят капельницу.

Хотя он не понимал, зачем ему это нужно, он спокойно лежал на кушетке за занавеской, наблюдая, как лекарство медленно капает из бутылки.

Когда лекарство закончилось, Хэ Ицзянь крикнул, но из-за ангины его голос звучал как скрип старого меха. Он не смог сдержать кашель.

Медсестра, занятая приготовлением лекарств для других пациентов, услышала кашель и вспомнила, что нужно проверить его. Когда она зашла, то увидела, что у парня на кушетке уже успели взять полпробирки крови.

Она поспешно поменяла бутылку с лекарством, извиняясь и поправляя капельницу. Хэ Ицзянь смотрел, как его кровь снова возвращалась в вену, и вдруг подумал, что хотел бы сдать кровь.

— У меня что, смертельная болезнь? — вдруг спросил он.

— Нет, просто температура. После укола все пройдет.

— У меня сел телефон. Можно я возьму у вас зарядку? Я заплачу за лечение, как только заряджу его.

— Не нужно. Дедушка, который привез вас, уже все оплатил. Он не оставил своего имени.

Хэ Ицзянь почувствовал теплоту в душе. Он снова посмотрел на капельницу, где еще оставалась небольшая порция крови.

— Спасибо вам.

— Не за что. — Медсестра вышла и принесла зарядное устройство.

С ее помощью Хэ Ицзянь зарядил телефон, но почувствовал головокружение. Он снова закрыл глаза и уснул. Когда он проснулся, капельницу уже сняли.

Он взял лекарства, вышел из клиники и, включив телефон, увидел, что Ту Муюань звонил ему с прошлой ночи до трех минут назад — всего 17 раз.

Он стоял под ярким солнцем, глядя на деревья и дорожные знаки.

В душе поднялось странное чувство. Хэ Ицзянь замер на мгновение, а затем набрал номер Ту Муюаня.

На этот раз тот ответил почти мгновенно. Хэ Ицзянь даже не успел заговорить, как Ту Муюань с тревогой спросил:

— Где ты?

Хэ Ицзянь посмотрел на дорожный знак, прочитал название улицы и назвал его, добавив несколько ориентиров и название клиники, где он находился.

Ту Муюань сказал, что едет.

Хэ Ицзянь снова сел в клинику, чтобы скоротать время. Он болтал с медсестрой, и примерно через 40 минут у входа остановился серебристый Porsche.

Ту Муюань вышел из машины и увидел, что Хэ Ицзянь сидит в клинике и играет в телефоне. Не теряя времени, он подошел и взял его за плечи.

— Что с тобой случилось? Почему ты в клинике?

Хэ Ицзянь потрогал лоб. Температура еще была, но в целом он чувствовал себя довольно бодрым.

— У меня температура.

— А прошлой ночью? Ты нашел дорогу домой?

— Нет. Телефон сел, и я проспал на улице. Утром меня подобрал добрый дедушка и привез сюда.

Хэ Ицзянь обнял Ту Муюаня за шею, положив голову на его плечо.

— Отвези меня домой.

Медсестра, которая до этого симпатизировала Хэ Ицзяню, увидев, как он совершает такой гейский и пассивный жест в адрес другого мужчины, почувствовала, как ее сердце упало.

Ту Муюань был на грани срыва. Он сжал кулаки, схватил Хэ Ицзяня за запястье и затолкал его в машину.

Он быстро пристегнулся, завел двигатель, и в его душе кипели гнев и разочарование, которые он не мог выплеснуть.

Хотя виновник был рядом, он не мог выразить свои чувства, и его движения стали в несколько раз резче, чем обычно.

Хэ Ицзянь медленно пристегнулся и съехал в кресле, развалившись как попало.

Ту Муюань сосредоточенно смотрел на дорогу, проезжая несколько участков с ограничением скорости. Хэ Ицзянь слышал, как радар-детектор постоянно предупреждал о превышении, но Ту Муюань не обращал на это внимания.

Хэ Ицзянь закрыл глаза, чувствуя головокружение. Манера вождения Ту Муюаня вызывала тошноту, и в желудке поднялась неприятная волна.

<http://bllate.org/book/16697/1533221>